

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСЕДЛАЯ ФОРМА СКОТОВОДСТВА

Оседлая форма скотоводства является одной из основных форм скотоводства у армян, ареал распространения которой охватывает в Восточной Армении различные в физико-географическом отношении пространства — наиболее низменную ее часть (главным образом, Араратскую долину) и высокогорную, расположенную в зоне альпийских и субальпийских лугов или смежно с ними.

Араратская долина является одним из засушливых районов Закавказья, что объясняется в основном ее замкнутостью¹. Выращивание сельскохозяйственных культур здесь невозможно без искусственного орошения, поэтому с давних времен в Араратской долине строились оросительные каналы² и значительная часть ее была обработана и покрыта культурно-поливными почвами.

Местные природные условия позволяли выращивать субтропические, садовые, технические культуры и хлебные злаки. Население этой области, не имея тех удобств для скотоводства, какие существовали в средней и горной полосах, вынуждено было заниматься скотоводством в ограниченных размерах. В большинстве селений Араратской долины сложилась та форма скотоводства, в которой разводились те виды скота, содержание которых возможно при отсутствии летних пастбищ. Поэтому здесь держали очень мало овец и коз, но в большом количестве разводили буйволов, составлявших 90—95% всего состава рабочего скота и более всего пригодных для работы в условиях жаркого климата³.

Другим ареалом распространения оседлой

формы скотоводства были высокогорные районы Восточной Армении, расположенные в зоне альпийских и субальпийских лугов. Если первый район оседлого скотоводства представляет собой замкнутый сплошной массив, то второй представляет цепь оторванных друг от друга островов, расположенных в различных частях Восточной Армении — горные части Ширака, Гехаркунка, Сюника и других. Общей характерной чертой последних, при всем многообразии местных природных условий, является то, что все они расположены на высоте свыше полутора-двух тысяч метров над уровнем моря⁴, и значительные пространства составляют пастбища и сенокосы.

Климат в этих местах резко континентальный, с продолжительной зимой и коротким прохладным летом. По сравнению с другими частями Армении поверхность здесь менее изрезана.

В сельскохозяйственном отношении указанные районы, за небольшим исключением, находятся в сходных условиях. Основой хозяйства было земледелие, предполагавшее сравнительно развитое скотоводство, характерной чертой которого было круглогодичное содержание всех видов скота в селении или поблизости от него, без отгона его на отдаленные пастбища.

Оседлая форма скотоводства в низменных и высокогорных районах отличалась рядом особенностей (обусловленных различиями в природно-хозяйственных условиях), которые дают основание для выделения двух ее подтипов — долинного (или равнинного) и горного.

ГODOVOЙ СКОТОВОДЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Зимнее содержание скота. Самым трудным и напряженным периодом для местного скотоводства было зимнее содержание скота, к которому население тщательно готовилось

¹ См. А. Б. Багдасарян, Климат Армянской ССР, Ереван, 1958, стр. 121; Атлас Армянской ССР, стр. 27, 50, 52; В. Девяцкий, Краткая характеристика садоводства на Араратской равнине, СМОМПК, вып. 25, 1898, стр. 9.

² Н. В. Арутюнян, Земледелие и скотоводство Урарту, стр. 208; *его же*, Новые урартские надписи, Ереван, 1966, стр. 25, 28 и др.

³ См. А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 127—128.

⁴ См. А. Б. Багдасарян, Климат Армянской ССР, стр. 85—86.

еще с лега. В соответствии с местными природно-хозяйственными условиями были созданы традиционные виды кормов и комплексы хозяйственных построек. Зимнее содержание почти всех видов скота как при равнинном, так и горном подтипах оседлого скотоводства заключалось, как правило, в стойловом содержании, сроки перевода на которое варьировали в различных селениях в зависимости от данной географической зоны и климатических условий года. Различный характер сезонности в низменной и высокогорной зонах обусловил

и традиций строительной техники населения.

Жилые и хозяйственные постройки крестьян Араратской долины обычно были расположены в дворике (*բակ*—бак), отделенном от улицы глухой глиняной стеной. Скотные помещения находились либо под одной кровлей с жилой частью (но обязательно с отдельным входом), либо одной стороной примыкали к ней. Саманник (*մարմար*—мараг) строился таким образом, что одной стороной был обращен к улице и имел небольшое окошечко, служившее для ссыпки привозимой с тока

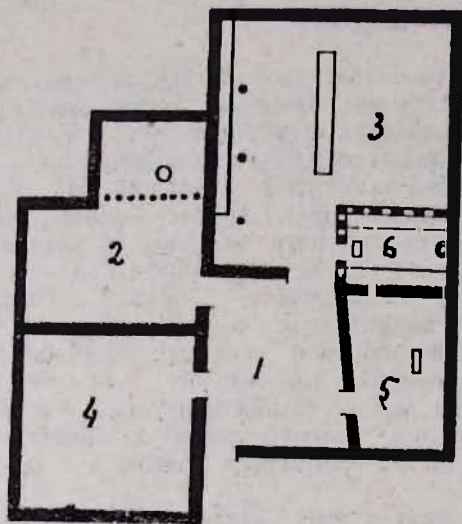


Рис. 2. План жилого и хозяйственного комплекса, конец XIX в. Сел. Соллак Разданского района: 1—сени, 2—жилое помещение, 3—хлев, 4—кладовая, 5—овчарня, 6—гоми ода.

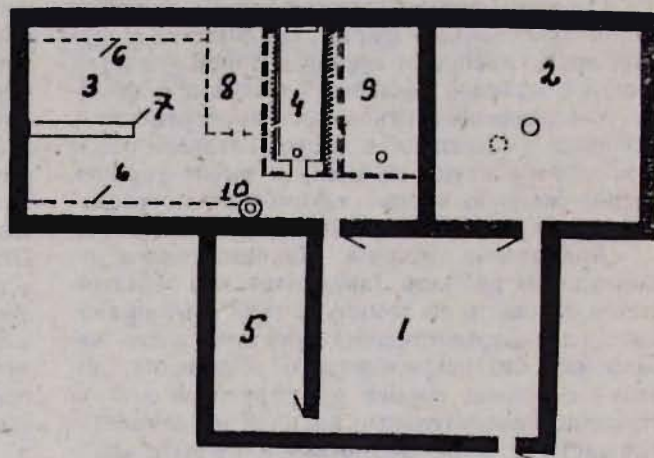


Рис. 3. Типичный план жилого и хозяйственного комплекса, XIX в. Шпрак, Гехаркунлик, Джавахк и др.: 1—сени, 2—жилое помещение, 3—хлев, 4—гоми ода, 5—кладовая, 6—кормушки, 7—ямка для сбора навоза, 8—отделение для содержания лошадей, 9—овчарня, 10—каменный приемник для поения скота.

неодинаковую продолжительность стойлового содержания различных видов скота. Так, в селениях Араратской долины стойловое содержание крупного рогатого скота продолжалось с декабря по март, т. е. в течение четырех месяцев; а мелкий рогатый скот в отдельные годы лишь 1—1,5 месяца находился на стойловом содержании, так как безводные пространства Араратской долины в малоснежные годы были прекрасными пастбищами для его зимнего выпаса. В высокогорных же районах зимнее содержание было осложнено суровыми климатическими условиями, вынуждавшими почти все виды скота в течение 5—6 месяцев держать на стойловом содержании.

Длительность стойлового содержания, а также особенности климатических условий местности накладывали отпечаток на типы подсобных построек, которые к тому же варьировали в зависимости от местного материала

соломы. Однако нередко были случаи, когда саманники строились на краю села, близ токов.

В высокогорных районах комплекс жилых и хозяйственных построек отличался рядом особенностей, и наиболее существенным из них было то, что жилая часть и все хозяйственные постройки были так тесно примкнуты друг к другу (за исключением саманников, которые, как и в Араратской долине, иногда строились на краю селения), что создавалось впечатление крытого двора. Способы соединения жилой части со скотными помещениями были разнообразны в каждом отдельном случае, но все они характеризовались единой общей планировкой, выработанной в условиях сурового климата и в зависимости от места скотоводческого хозяйства в удельном весе всей экономики (рис. 2, 3). Входом в местное жилище служил сени (*սրահ*—срах), из которых од-

на дверь, вела в жилую часть (*тун* — тун или ацатун), другая — в хлев (*ганд* — гом). третья — в овчарню (*нхшаршнг* — вочхаранок), четвертая — в кладовую, (*дшшш* — марра) и, наконец, пятая — в саманник (*дшршг* — мараг, если последний не был построен на току)⁵. Таким образом, все части этого комплекса были построены так, что давали возможность в суровые зимние месяцы, не выходя из дома, вовремя покормить скот и вообще вести надлежащий уход за скотом. Скотные помещения различались в зависимости от видов и поло-

(*гандшнг* — гомшанок), волов (*бгшшнг* — езнапок) и др. Однако преобладающее большинство сельского населения держало скот в одном помещении: обыкновенно рабочий скот привязывали с одной стороны хлева, а дойный — с другой. Место, где привязывали скот, называлось *шшг* — пак или *шшг* — пок, а также *гшшнг* — джхтиок и *шшг* — такиок (в зависимости от того, какое количество скота привязывалось). Одни из углов хлева огораживали решетками и там держали телят и буйволят.

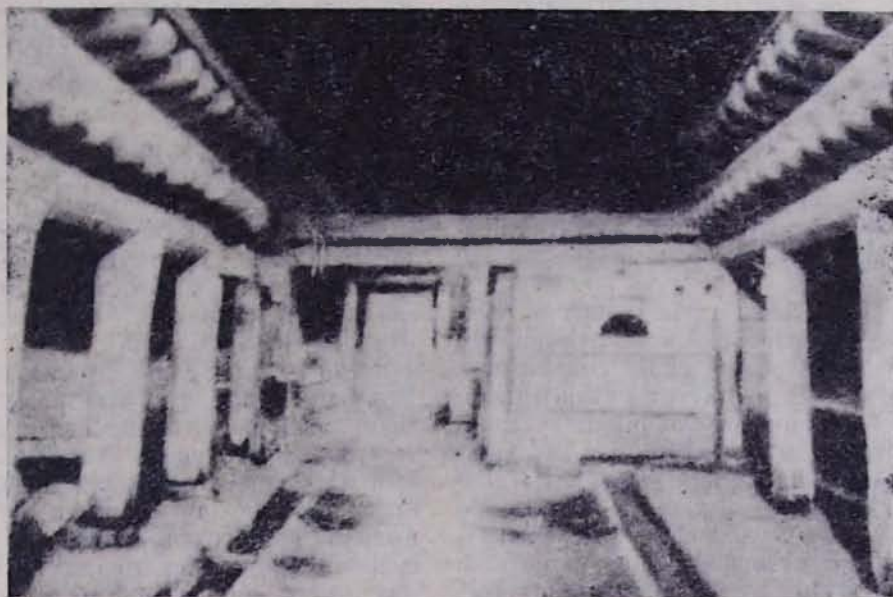


Рис. 4. Интерьер гома, XIX в. Сел. Цхалтбнле Ахалцихского района Груз. ССР (из книги: О. Х. Халпахчьян, Гражданское зодчество Армении, М., 1971, стр. 65).

возрастных групп скота, содержащихся в них. С особой тщательностью возводились хлева (рис. 4), предназначенные для крупного рогатого скота.⁶ Состоятельные хозяйства строили специальные помещения для содержания коров (*гшшшнг* — кованок), буйволов и буйволиц

Несотъемлемой частью хлева была комната (*гандр ош* — гоми ода — Апарак, *шшг* — саку или *шшшш* — мпана — Аракатская долина), строящаяся обычно у стены жилой части и отгороженная от хлева полустеной. Эта комната

стенке хлева или к одному из столбов, устанавливали незамысловатое деревянное приспособление (*гшшг* — ишук или *гшшг* — ишук или ача) в виде стула, для установки на нем корзины, в которой выносили навоз из хлева.

⁷ Крупный рогатый скот обычно держали в хлевах на привязи, для чего использовали специальные дугообразные деревянные приспособления («кркал»), оберегавшие скот от возможного удирания, и пеньковую веревку, которая привязывалась за железное кольцо, вбитое в мсркан (жердь, которая кладется по внешнему краю ясель). Рядом обычно привязывали волов (или буйволов), которых вместе запрягали в арбу, плуг, соху и т. д., т. е. привыкли друг к другу, с тем, чтобы они могли спокойно стоять на привязи.

⁵ Сравн. с характеристикой аналогичной планировки в работе Д. С. Вардуняна, Некоторые материалы по этнографии армян, КСИЭ, т. XXXIII, 1960, стр. 33—34.

⁶ Пол хлева устилали слегка обработанными каменными плитами (*шшг* — сал), что позволяло держать пол в сухом виде и чистоте и предохранять скот от возможных заболеваний от сырости и простуды. По длине хлева, по обе стороны, устраивали кормушки (*дшшг* — мсрук) корытообразной формы, по внешнему краю которых, во избежание раскидывания корма скотом, клали толстую жердь (*дшшг* — мсркан). Посередине хлева устраивали специальное место для собирания навоза («кванок» или «тркнок»), близ которого, прислонив к

служила не только для присмотра за скотом, но и местом приема гостей. В литературе имеются многочисленные описания гоми ода и сделаны удачные попытки сравнительного их изучения⁸. Данные этнографии позволяют проследить основные ступени развития гоми ода у армян, начиная от простого земляного или деревянного возвышения посреди хлева до отдельного, прекрасно отделанного изнутри помещения, лишь с одной стороны несколько открытого в сторону хлева. Особого совершенства достигли гоми ода у армян Джавахка, потомков переселенцев из различных сел Варцр Ай-ка (Высокой Армении). Здесь гоми ода, с двусторонними широкими деревянными нарами, ступенчатым сводом и прекрасно отделанным камнем («бухари»), была украшением всего жилого комплекса. Совершенно справедливо мнение С. Д. Лисициана, согласно которому гоми ода, по первоначальному назначению, была комнатой пастухов и слуг, затем спален и уже впоследствии, достигнув совершенства, превратилась в комнату для гостей.

Овчарни значительно отличались по своей планировке и внутренней конструкции, что объясняется самим характером содержания мелкого рогатого скота. Внутри овчарен никаких специальных приспособлений не устраивали, за исключением отделения для молодняка—*գանիկ*—гарнаноц или *բլիկ*—кез («гарнаноц» или «гарноц»—арм., букв. «ягнятник»; «кез»—азерб., также означает «ягнятник»), огороженных от основной части дощатыми перегородками. Пол здесь, в отличие от хлевов, не был выложен каменными плитами. Информаторы объясняли это тем, что овца обыкновенно сильно потеет, а пот довольно быстро высыхивается при земляном поле. Поэтому, если хлев чистили ежедневно несколько раз, то овчарню не чистили, только каждый день под погн скоту разбрасывали сухой навоз (*փշիկ*—пеш), чтобы не было сыро в помещении. А через определенное время (в зависимости от количества содержавшегося скота) лопатой разрезали затвердевший овечий помет на небольшие четырехугольной формы плиты и выносили для сушки во двор.

Таков, в основных чертах, комплекс построек, возводившихся крестьянами Араратской долины и высокогорных зон Ширака,

⁸ См. С. Д. Лисициан, Изучение армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам). ИКИАИ, т. III, Тифлис, 1925; его же, Историко-этнографические очерки Шатаха. Из материалов по изучению жилищ Армении, Тифлис, 1927, стр. 119—140; его же, Крестьянское жилище Высокой Армении. ИКИАИ, т. IV, Тифлис, 1926; Д. С. Вардумян, Некоторые материалы по этнографии армян и др.

Арагацотна и Гехаркуинка для ведения скотоводческого хозяйства. Этот комплекс был характерен и для многих других районов Восточной Армении, где издавна сложилась отгонная форма скотоводства, хотя в отдельных местах он отличался целым рядом особенностей.

Другой важнейшей частью подготовки к стойловому содержанию была заготовка кормов. Этот вопрос стоял одинаково остро как в низменной зоне, так и высокогорной, хотя в первой имелись все более благоприятные условия для содержания скота, так как продолжительность стойлового периода здесь меньше, а в отдельные, благоприятные в климатическом отношении, годы создавались возможности выпаса мелкого рогатого скота в течение всей зимы.

К заготовке кормов приступали заблаговременно. В Араратской долине основными кормами были сено, солома, а также отходы садовых и технических культур⁹ и др. Сено заготавливалось преимущественно из сеяных трав—люцерны (йонджа) и эспарцета (корпгап), хотя последнего значительно меньше. Широко использовались и отходы огородных культур—картофеля, свеклы, моркови и др. Примечательно, что некоторые виды кормов специально предназначались для прокорма того или иного скота. Так, по мнению местных крестьян люцерновая трава более всего была полезна для крупного рогатого скота и именно поэтому в большинстве армянских селений Араратской долины на поливных землях производились посевы люцерны, а не эспарцета, считавшегося хорошим кормом для овец. Раз посеянная люцерна давала урожай в течение семи лет и при надлежащем уходе можно было получить по три укоса в год¹⁰.

В высокогорной же зоне посевы эспарцета были значительные, что стоит в прямой связи с масштабами местного овцеводства. Основными кормами здесь были: сено (как с естественных, так и искусственных лугов), солома, ячмень, жмыхи (*կլիպիկ*—коптон или *բլիկ*—кус), кюрушна¹¹, остатки огородных культур, а в местностях, расположенных в зоне лесов, также и листья и молодые побеги де-

⁹ Жмыхи, полученные в результате обработки таких технических культур, как лен, чечевица, кунжут и соры, а также хлопковые семена (*կուլ*—кул), очень высоко ценились местным населением и давались скоту в качестве сыльных кормов.

¹⁰ См. А. Е. Хан-Агов, указ. раб., стр. 308.

¹¹ Кюрушна—однолетнее растение из семейства бобовых, выращивалось для извлечения семян, служивших хорошим кормом для скота; солома также использовалась для прокорма скота. Кюрушну сеяли на неорошаемых землях, поэтому в высокогорной зоне, где поливных

ревьев (*սիւխ* — пёх или *բոխ*). Из этого перечня видно, что, если в низменной зоне основными кормами были солома, жмыхи, хлопковые семена и исключительно сеяные травы (особенно люцерна), то в высокогорной — значительное место в кормовых запасах занимали также псеянные кормовые травы, эспарпетовые корма и кюрушиа.

Перечисленные корма давались как отдельно, так и в смешанном виде. Так, кюрушну давали обычно вместе с пшеничной соломой, которая считалась менее питательной, чем ячменная солома; последнюю в качестве отдельного корма давали и крупному, и мелкому рогатому скоту. Жмыхи и хлопковые семена давали исключительно крупному рогатому скоту и то только рабочему, ибо при даче их дойному скоту молоко приобретало несколько горьковатый привкус. Овцам и козам давали ячменную солому с горстью ячменя, а передко и сено, главным образом в высокогорных селениях. Здесь овцам давали сено как луговое, так и сеяное. В качестве корма для крупного рогатого скота повсеместно у армян использовалась ячменная каша (*կաշի* — навола или *լափ* — лап), изготовленная из крупно размолотого ячменя. Чаше всего она давалась повзрослым коровам, которые в первое время после отела нуждались в калорийных кормах.

Как видим, в различных частях страны (как в низменных, так и высокогорных) были созданы необходимые предпосылки для стойлового содержания скота, хотя запасы кормов не всегда были достаточны. Исследователи скотоводства на Кавказе неоднократно указывали, что самым страшным бичом местного скотоводства была пехватка зимнего корма, из-за чего погибало огромное количество скота¹². В неурожайные годы особенно трудно приходилось крестьянам из горной полосы, скот которых в течение долгих пяти-шести месяцев находился на стойловом содержании. И тогда, говоря словами Х. А. Вермишева, «наступали черные дни для скота, голод вступал в свои права и беспощадно губил скотину»¹³. В тех местах, где поблизости находился лес, скот кормили ветками и молодыми побегами (бох)¹⁴.

Земель было не так уж много, значительные участки были отведены под посевы кюрушны, которая не была известна жителям Араратской долины. О кормах и способах их дачи скоту см. также в работе В. Темурджяна, стр. 91—101.

¹² См. Х. А. Вермишев, Скотоводство в связи с пастбищным вопросом, стр. 90.

¹³ Там же.

¹⁴ См. Н. Сегаль, Сборник сведений о Елизаветполь-

Кормление и уход за скотом. В селениях Араратской долины с конца ноября крупный рогатый скот, преимущественно рабочий, подкармливали сухими кормами, а с декабря переводили на стойловое содержание; мелкий же скот в это время днем выпасали на присельских выгонах, а на ночь загоняли в овчарни. В высокогорной же зоне крупный рогатый скот уже с ноября переводили на стойловое содержание, а мелкий — с декабря, и держали вплоть до конца марта или начала апреля, когда вновь появлялась свежая трава и создавалась возможность выпаса скота на присельских выгонах.

Корм скоту начинали давать с раннего утра (*բուխիւմիս ԿԷ* — ырветва ем). Часов в 4 утра один из членов семьи, на обязанности которого был уход за скотом, подметал хлев специальным веником, затем чистил волов специальной скребницей (*ղշշր* — гашаб) и задавал им корм в виде сена и соломы. В начале стойлового содержания волам больше давали соломы, нежели сена; в дальнейшем дачу сена постепенно увеличивали, а сильные корма (жмыхи, хлопковые семена, ячменная каша и др.) начинали давать лишь с приближением весенней пахоты. Коров чистили скребницей раз в неделю и давали им только солому. Количество корма, предназначенного для рабочего скота, в несколько раз превышало количество корма, получаемого коровами¹⁵. За рабочим скотом уход был особенно тщательным. Волы и буйволы в зимние месяцы ставились на откорм и в течение всего стойлового периода из хлева почти не выводились. После дачи корма рабочему скоту кормили дойный скот и молодняк, а затем все виды крупного скота поили здесь же в хлеву. Обычно в селениях Араратской долины повсеместно рыли водоемы (*ջրհոր* — джрхор), откуда воду доставали деревянными или кожаными ведрами. Очень часто водоемы устраивали в одном из углов хлева, рядом с которым ставили большой каменный приемник (*գլխ* — гурр), выдолбленный из глыбы местными мастерами. Чтобы скот не простудился, его поили водой комнатной температуры, для этого воду в приемник наливали заблаговременно.

ской губернии, Тифлис, 1902. Автор писал, что ввиду слабого надзора крестьяне скот гнали в леса и подвергали их хищническому истреблению (стр. 140).

¹⁵ Согласно сообщениям крестьян, если на одну голову рабочего скота запасалось примерно 80—90 пудов сена, то на корову — не более 20—40 пудов. Поэтому не случайно, что весной истощенные за зиму коровы и откормленные буйволы и волы были обычным явлением в армянской деревне.

В большинстве же высокогорных селений скот поили родниковой или речной водой. Лишь в селениях, лишенных воды, использовали для этих целей снеговую воду, как, например, в ряде селений Арагацотна, Ширака, Гехаркуника и др. Здесь каменный приемник (рис. 5) ставился у задней стены хлева, над

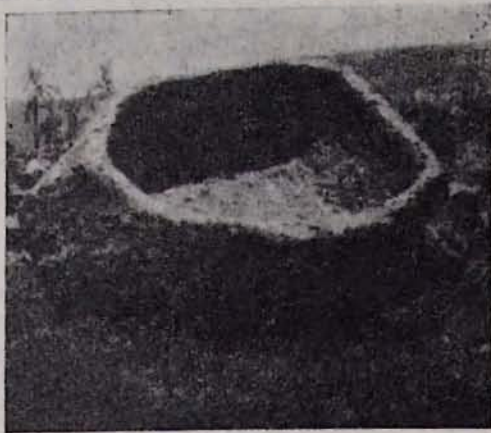


Рис. 5. Каменный приемник для поения скота, XIX в.

которым, на небольшой высоте, устанавливалась решетка (*ծնշալի փհտեր*—цихали петер). Либо на крыше, либо где-то в другом месте, делали большой снежный ком (*քյուրթուկ*—кюртук) и бросали его через отверстие в хлеве на решетку. Падавший на решетку снег таял и вода стекала в каменный приемник.

Заключив кормление и поение крупного рогатого скота, вновь чистили хлев, выносили навоз корзинами во двор и высыпали в специальное место (*բասմաթեղ*—басматех)¹⁶.

Часам к 9 утра начинали кормление мелкого рогатого скота. В селениях Арагатской долины в малоснежные и бесснежные годы овец выгоняли к месту сбора общего стада («нахрагна»), откуда общественные пастухи выводили их на ближайшую пастбища, а часам к 4—5 после полудня пригоняли вновь в селение, и каждый хозяин перед загоном в овчарню задавал овцам немного ячменной

¹⁶ Ранней весной часть навоза вывозилась и разбрасывалась по полю, после чего тщательно перемешивалась с почвой последующей пахотой. Остальная же часть навоза оставалась во дворе и к концу весны разрезалась лопатами на небольшие плиты (*ցան*—цан), из которых возводили конусообразные вышки, называемые местными жителями *ցանի դեղ*—дани дез или *ամրոց*—амроц (арм. букв. крепость), поскольку по своей форме действительно напоминали башню с окнами, оставленными для лучшей сушки кизяка.

соломы. Кормление происходило на специальной площадке (*դրոպիս*—друнга)¹⁷, где устанавливали специальные деревянные кормушки (*մսուրք*—мсурк), в которые насыпали солому, с тем чтобы овцы не разбросали корм. И лишь в неблагоприятную погоду овец не выводили на пастбища и в сутки два раза давали корм.

В высокогорных районах овец, за редким исключением, не выпасали; последних выводили из овчарен и на друнге давали солому, нередко насыпав сверху несколько горсточек ячменя. Затем в течение нескольких часов (смотря на погодные условия) овец оставляли на свежем воздухе, а в это время проветривали овчарню и насыпали на пол сухой навоз, который не только высушивал пол, но и утеплял помещение. Овец поили из глиняных корыт (*տաշտ*—ташт), устанавливаемых тут же на друнге. Часам к 12 овец загонали в овчарню, где и содержали до вечерней дачи корма.

К четырем часам вечера наступало время вечернего кормления (*իրիգվա եմ*—иригва ем)¹⁸ скота. Кормление производилось в той же последовательности, что и утром, с той лишь разницей, что во время вечернего кормления всем видам скота давалось больше корма, чем утром.

Особого ухода требовали буйволы, содержание которых было значительно распространено в Арагатской долине. Их периодически чистили скребницей, раз в неделю купали в теплой воде и натирали кожу кунжутным или конопляным маслом (впоследствии и керосином) как для эластичности кожи, так и уничтожения всяких паразитов. Зимой их держали в теплых помещениях¹⁹, а при случае укрывали также попоидами. Корма буйволам давали больше, чем волам. Это нашло отражение и в армянской пословице: «*գոմեշներին խորձ, եգնեղին ծգոռ*» (буйволам сноп, волам пучок сена)²⁰, что связано с большей работоспособностью буйволов—«*գոմշու տեղ եղ չի բանի*»

¹⁷ По определению В. Темурджяна, этот термин перенят армянами из курдского языка и означает «место кормления». Интересно отметить, что в ряде селений, наряду с этим термином, был распространен и термин *դնիш*—дона, по-видимому, также курдского происхождения (см. указ. работу автора, стр. III).

¹⁸ Корм, задаваемый скоту, в различных частях Армении был известен под разными названиями, как-то: «кер», «ем», «алаф» и др., что связано с пестротой этнического и этнографического состава населения.

¹⁹ Если не было специальных помещений для буйволов, то их держали в глубине хлева, вдали от входа, в самом теплом месте.

²⁰ Ч. П. Բնագրային, указ. раб., стр. 100.

(и: месте буйвола вол не сможет работать), гласит другая армянская пословица.²¹ Буйволы плохо переносят холода, поэтому их раньше других видов скота переводили на стойловое содержание и держали на сухом корме вплоть до окончания полевых весенних работ, т. е. до мая. Им сравнительно больше давали сильных кормов — жмыхов, хлопковых семян, а в высокогорных районах и кюрушны. Буйволиц же, как и коров, кормили одной соломой и лишь изредка давали сильные корма.

К весне дачу корма всем видам скота значительно увеличивали. С февраля крупному скоту давали корм три раза в сутки — по утрам, полудням и вечерам, — с тем, чтобы получить здоровый приплод и иметь упитанный рабочий скот для успешного проведения весеннего сева.

Большое внимание уделялось состоянию скотных помещений. Душные помещения, так же как и холодные, плохо отражаются на здоровье и продуктивности скота. В холодных помещениях скот много ест, но дает мало молока. Больше всего были подвержены холоду молодняк и тонкий скот. Во время кормления и поения скота двери и окна хлева оставляли открытыми, для очищения и складывания температуры воздуха; в остальное же время двери и окна тщательно закрывались, так как в темноте скот спокойнее отдыхает.

Предметом особой заботы местных крестьян было содержание быков-производителей (*յուլ* — цул), буйволов-производителей (*գոմշալու* — гомшацул) и баранов (*խոյ* — хой), так как именно от их упитанности и силы зависело качество получаемого приплода, что нашло отражение в пословицах.²² Если содержание баранов практиковалось многими крестьянскими хозяйствами, владевшими более или менее значительным количеством мелкого рогатого скота, то быков и жеребцов держали лишь отдельные крупные хозяйства. Быки-производители отдельных лиц служили для общего пользования. В ряде селений Джавахка, Арцаха и других держали общественных бугаев, которых приобретали на средства всего сельского общества.²³

Содержание остальных видов скота не отличалось особым разнообразием. Лошадей и

ослов привязывали в хлевах, обычно в примыкавшей к гумн ода части и для кормления в стенах делали стойла (*ախոր* — ахорр), куда клали корм, состоявший обыкновенно из сена и соломы с ячменем для лошадей и соломы для ослов. Для содержания свиней, количество которых в редких хозяйствах достигало 3—5²⁴, в одном из углов хлева делали специальные глухие перегородки (*խոզաւան* — хозалан) и кормили их преимущественно ячменем и просом (пшеном).

В две недели раз крупному и мелкому рогатому скоту в хлеву или на друнге (овцам) давали соль (молотую или в кусках). Крестьяне Араратской долины нередко давали соль овцам на пастбищах, где в большом количестве имелись огромные плоские камни (*աղիք-իւր* — ахлезы), на которые сыпали соль для скота.

Приведенный материал ясно показывает, что особый уход велся за рабочим и производительным скотом, что стоит в прямой связи со всем укладом жизни армянского крестьянства. Крупный молочный скот не имел такого значения, потому что доходы, получаемые от него в то время, были невелики, и не случайно к весне истощенные за зиму коровы и буйволицы были обычным явлением в армянской деревне. Успех наступающего земледельческого года зависел от состояния волов и буйволов, использовавшихся в качестве тяглового скота при вспашке, бороньбе и молотьбе, поэтому их хорошо откармливали даже в ущерб другому скоту.²⁵

Весеннее содержание скота. Сроки перевода отдельных видов скота со стойлового содержания на пастбищное были различны. Мелкий рогатый скот повсеместно переводили на пастбищное содержание приблизительно на месяц раньше крупного. Это объясняется тем, что присельские пастбища, покрывавшиеся в начале весны низкой растительностью, были более удобны для выпаса мелкого рогатого скота.

В селениях Араратской долины уже с конца февраля переводили овец и коз на пастбищное содержание. В первое время овец днем пасли, а на ночь загоняли в овчарню, так как еще было довольно холодно. С потеплени-

²¹ И. С. Ղափաւան, Արարատ, Երևան, 1960, стр. 231.

²² Например, «Բուկին նախը կենան» (Бык — половик стада коров) или «Համ զոչը շարունը ոչխարն» (Хороший баран — сто овец), см. И. С. Ղափաւան, указ. раб., стр. 292, 315 и др.

²³ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 18, стр. 4—5, АОЭ.

²⁴ По архивным и литературным данным (см. ЦГИА, ф. 133, оп. 1, д. 1045; А. Е. Хан-Азов, указ. раб., стр. 359—391; Ф. Т. Марков, указ. раб., стр. 132—137 и др.) лишь в 4—5 селениях Араратской долины держали свиней. Причем интересно, что наибольшее количество свиней (52) держали в с. Мец Шагрнар (ныне с. Налбандян), состоявшем в 80-х годах XIX в. из 179 хозяйств.

²⁵ См. А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 4 и сл.

ем погоды практиковали также ночное содержание овец под открытым небом. В пределах иаделов были устроены специальные загоны—*шлшл*—агал²⁶—из камней, без всякого раствора, высотой немногим более метра, с узким проходом, у которого пастухи разводили костер.

В селениях высокогорной зоны овец выводили на пастбища с конца марта или начала апреля и выпасали вначале на южных склонах ближайших гор (*шрвчнл*—арегунп), а затем, по мере освобождения из-под снега новых участков, постепенно расширяли районы выпаса.

С приближением времени окота пастухи внимательно следили за состоянием маток, с тем, чтобы тех из них, которые должны были скоро окотиться, не выводить на пастбища. Опытные чабаны прекрасно знали повадки овец и по их поведению могли безошибочно определить их состояние. Когда оког приближался, вымя наливалось молоком и соски становились тугими, отчего вымя становилось очень теплым; в это время овца ведет себя очень беспокойно: от боли она постоянно садится, то встает. Все это давало опытному пастуху основание безошибочно определить время окота. Таких овец пасли поблизости от селения, а по ночам они находились под присмотром пастухов. Появившегося на свет ягненка давали облизать матери и потом приглядывали, чтобы он пососал²⁷.

В первые три дня после окота ягнят, как правило, оставляли на целый день при матерях и отделяли их только на ночь, загоняя в отгороженные части овчарен (ягнятник), с тем, чтобы взрослый скот не повредил их. Ягнятник старались содержать в чистоте, ибо

²⁶ В различных частях Восточной Армении эти загоны для ночного содержания овец и коз назывались по-разному: «архадж» (Тавуш, Лори и др.), «агал» (Ширак, Гехаркуник, Араратская долина и др.). Однако были также стоянки для ночного содержания мелкого скота, открытые со всех сторон, известные под названием *гхор*—гхор, *хмшлнл*—ястатех и др.

²⁷ Нередко случалось, что овца после окота не подпускала к себе ягненка (в селениях Тавуша в таких случаях говорили *«длрлсрл шлшлшл»*, арм. букв. «овца отвергает»). Овцу вместе с ягненком загоняли в отдельный отгороженный угол овчарни и пускали туда кошку или соаку; от испуга овца «принимала» ягненка. Аналогичным образом поступали в тех случаях, когда корова не подпускала теленка.

Во время окота ягненок иногда выходил задними ногами. В таких случаях, чтобы облегчить рождение ягненка, чабаны тянули за ноги, нажимая на таз овцы. В период окота пастухам не разрешалось радеваться или менять одежду (ни ночью, ни днем), в противном случае окот, якобы, пройдет неблагоприятно.

грязные и душные помещения плохо ограждают на здоровье и росте ягнят (порча глаз, ожог и т. д.). Когда дни становились теплыми, их держали в специальных местах поблизости от села, на свежем воздухе. В первые четыре недели ягнят подпускали к маткам по два раза в сутки. Поэтому овец не доили в этот период. Начиная с четвертой недели, ягнят выпасали на ближайших пастбищах, с тем, чтобы постепенно увеличить дачу зеленого корма и сократить дачу молока.

Крупный рогатый скот переводили на пастбищное содержание в конце марта (в Араратской долине)—середине апреля, а в отдельные неблагоприятные в климатическом отношении годы—и в начале мая (в высокогорной зоне). Днем пасли, а вечером, перед загонем в хлев, подкармливали сухим кормом. Подкормку прекращали давать в середине апреля—начале мая, когда на пастбищах появлялось достаточное количество подножного корма. Коровы (и буйволы) телились преимущественно в феврале-марте; в высокогорных районах—несколько позже, что объясняется в значительной степени различными сроками перевода скота на пастбищное содержание.

Сразу же после отела теленка давали облизать матери и затем припускали к ней, чтобы накормить молозивом (*лрлс*—хнж), чему армяне придавали большое значение²⁸. Случалось, что у отелившейся коровы не было молозива или же было слишком мало, в таких случаях, чтобы прокормить теленка, по свидетельству В. Темурджяна, давали ему желток яйца в течение первых двух дней от двух до трех раз, причем каждый раз давали по 1—2 желтка, которые по своим питательным качествам заменяли молозиво²⁹. Иногда теленок не мог сосать, тогда крестьяне доили корову прямо в рот теленку; это действие известно в народе под названием *«длшлшлшл ш-лрл»*, букв. «наильно давать основу»³⁰.

Вновь отелившимся коровам давали по-всеместно ячменную кашу (известную в раз-

²⁸ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 4, стр. 15, папка № 15, стр. 60, АОЭ. По мнению местных жителей, молозиво очищало внутренности и служило важной пищей для роста теленка. Поэтому не случайно, что в ряде районов (Тавуш, Лори, Арцах, Араратская долина и др.) существовало выражение *«длшлшлшл»*—«давать основу» (букв.).

²⁹ См. Ч. У. *Բնութիւն*, указ. раб., стр. 194.

³⁰ Крестьяне внимательно следили, чтобы послед, известный в различных селениях под названиями *«лрлшл»* (србанк), *«лрлшл»* (ынкерк), *«лрл»* (ция) и др., упал. Если послед сразу же после отела не выпадал, то местные жители прибегали к различным приемам: давали корове сладковатую воду или некоторое количество расти-

личных районах под названиями: навола, шпот, лан и др.) и поили исключительно теплой водой, во избежание простуды.

В первые 3—7 дней (в зависимости от жирномолочности скота) молоко коровы считалось несозревшим³¹ и лишь по истечении этого срока начинали доить. Доили коров дважды в сутки—по утрам и вечерам. Прежде чем доить корову, припускали теленка³², которому давали немного пососать, затем отнимали его и привязывали к передним ногам коровы или к вбитому в землю колышку. Часть молока оставляли для теленка. В первые месяцы оставляли два соска—передний и задний; впоследствии постепенно сокращали и к двумесечному возрасту давали только один сосок. Доеение коров производилось крестообразно—передний правый сосок выдаивали вместе с задним левым соском и т. д. Доить коров обучали уже с 12—13 лет и старались сделать так, чтобы одну и ту же корову доила одна и та же доньщица, что позволяло получать постоянные удои³³. Быстрая дойка обеспечивала получение большего количества молока. Ее производили исключительно женщины и обязательно с правой стороны, соседние азербайджанцы доили с левой стороны. Этот обычай сохраняется в быту армян и азербайджанцев по сей день и, по-видимому, связан с характером их религиозных представлений.

В селениях Араратской долины в июне—июле овец доили дважды в сутки, в начале же

теплого масла, привязывали за конец последа какой-либо предмет (камень, старую обувь и др.), под тяжестью которого послед выпадал и т. д. В ряде селений Норн, Тавуша и др. крестьяне бросали послед в речку, «чтобы молока было так же много, как и воды».

³¹ Если жирномолочность низкая, то уже на третий день молоко созревало, если же высокая, то только на 6—7-й день. Из молозива (хнж) армяне готовили сладкое кушанье («стал» или «хнж»), значительная часть которого, по местному обычаю, раздавалась соседям и родственникам. Последние, возвращая посуду, насыпали в нее горсточку соли, во избежание сглаза (по поверью армян, соль разъедает злой глаз и предохраняет скот от порчи).

³² Если теленок околевал, припускали другого теленка, а если корова не подпускала к себе и этого, то его заменяли чучелом из шкуры павшего теленка, набитой соломой.

³³ Информаторы сообщали, что некоторые коровы «прятали» молоко, как бы сохраняя его для теленка. В таких случаях, немного подлив, припускали вновь теленка и давали ему пососать все четыре соска, после чего приступали ко второму доению («Կրկնորդ ան» — «кркорд ер»). По окончании дойки теленку давали вдоволь пососать. Перед доением коров и, особенно, буйволиц вымыли вымя и обтирали чистым полотенцем, с тем, чтобы молоко не загрязнялось.

лактационного периода (вплоть до конца мая) и в конце (почти весь август)—раз в сутки. Доеение производилось путем отжимивания сосков двумя пальцами, последняя же часть удоя выдаивалась отжиманием всего вымени обеими руками. Доили овец либо в деревянный сосуд («թղթ» — куга), выдолбленный из обручков дерева домашним способом, либо в медный котел («ղաղղա» — казган или «սախ» — катса). Чаще оба этих вида сосудов назывались «Թիչ» — ктич. При двукратном доении ягнят и козлят смешивали с матками только после вечернего доения. Овец доили преимущественно женщины. Если в селениях Араратской долины, где овцеводство не достигло значительного развития, доение овец и коз было делом исключительно женщин, то в высокогорных районах Ширака, Котайка и других нередко овец доили и мужчины³⁴.

Ранней весной выпас скота в селениях Араратской долины производился вначале на покосах, затем уже пасли на паровых полях, после поднятия которых скот выводили на выгоны и солончаки, под которые отводили здесь неудобные в сельскохозяйственном отношении земли, паходившиеся в общем владении всех домохозяев. В высокогорных селениях Ширака, Гехаркуника и других широко использовали в этот период долины рек и речек, а также склоны гор, особенно южные, которые уже ранней весной покрывались зеленой растительностью.

Как в низменной, так и высокогорной зонах пасли мелкий рогатый и крупный дойный скот, рабочий же скот вплоть до окончания полевых весенних работ держали исключительно на сухом корме, запасы которого тщательно оберегались. По мнению крестьян, перевод крупного рогатого скота с сухого корма на зеленый ведет к ослаблению животных.

В первые три-четыре дня производился трепаж рабочего скота («խմից հանել» — хамич ханел), который заключался в постепенном увеличении ежедневной пахоты. Если без такого подготовительного этапа начать пахоту в полную силу, то волы и буйволы могли стать непригодными в течение длительного времени³⁵.

Весной, при выводе буйволов из хлевов, при большом скоплении людей, происходил

³⁴ Однако в ряде селений Вайоц-дзора (Ехегис, Малишка и др.) считалось чуть ли не позором, если мужчина доил овцу или козу. Так, в одной сказке («Разум и сердце»), в ответ на требование мужа привязать быков, жена отвечает: «Не мое женское дело привязывать быков, я вожусь только с овцами да коровами» (см. «Армянские сказки», М., 1933, стр. 47).

³⁵ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка 16, стр. 54—55 и др., АОЭ.

бон буйволов (*գոմշակրիվ*—гомшакрив), быков, баранов, которые, по словам информаторов, были праздником для крестьян. Отдельные хозяйства даже специально откармливали буйволов, быков и баранов, чтобы они могли победить на этих соревнованиях³⁶. Эти бои, помимо своего увеселительного характера, имели и практическое значение, так как служили способом выявления наиболее сильных особей, от которых стремились получить приплод. В. Темурджян совершенно справедливо видел в этих боях буйволов, быков и баранов один из основных способов улучшения породного состава скота³⁷. Крестьяне стремились случить свой скот с теми производителями, которые побеждали в этих боях.

Как видим, весеннее содержание различных видов скота характеризовалось многими общими чертами как в низменном, так и высокогорной зонах оседлого скотоводства. В отношении же кормовых условий в более выгодном положении находился скот жителей Араратской долины, так как пастбища здесь раньше покрывались свежей и обильной растительностью.

Летнее содержание скота. Характерной особенностью летнего содержания скота был выпас всех видов скота поблизости от села. Крупный дойный и мелкий рогатый скот по два раза в день пригоняли в селение для дойки. В высокогорных селениях, таких как Казанчи, Бавра, Мец Сепасар, Покр Сепасар, Бандиван и др., крупный гулевой скот все время держали на пастбищах, где пастухи имели простые по своей конструкции временки, в которых они отдыхали и хранили свою одежду и пищу. Гулевой скот пригоняли в селение раз или два раза в две недели для дачи скоту соли, а также для смены пастухов. Такая практика содержания гулевого скота в селениях этой зоны объясняется тем обстоятельством, что ближайшие пастбища отводились обыкновенно под выпас дойного скота, поэтому отдаленные пастбища предназначались для гулевого скота³⁸.

В селениях же Араратской долины весь крупный рогатый скот, включая и гулевой,

³⁶ В дневнике французского путешественника Жана Батиста Таверниака сообщается о том, что в 1655 г. в Эчмиадзине, во время праздника барикендана (масленица), был организован бой буйволов, смотреть который собрался многочисленный люд (см. *Վ. Ս. Քելեկերյան* указ. раб., стр. 173).

³⁷ См. там же, стр. 173—174.

³⁸ Обычно лошадей держали в стаде гулевого скота, и пастуху за содержание одной лошади полагалось особое вознаграждение, поскольку содержание лошадей по сравнению с крупным рогатым скотом было сопряжено со значительными трудностями.

почью содержался в хлевах или перед домом. Содержание скота в летний период здесь было сопряжено со многими трудностями, вызванными неблагоприятными кормовыми условиями. Лето здесь засушливое, жаркое, поэтому вся растительность выжигалась лучами солнца, что вынуждало местное население выискивать новые средства для содержания скота. Здесь практиковалась следующая очередность использования отдельных категорий земельных участков. Ранней весной выпасали скот на покосах и паровых полях, выгоны же оставались на более позднее время, ибо после подпоятия паров в распоряжении местного скота оставались одни выгоны. Лишь с июля, после сжатия сена с лугов, скот пасли также на отавах, а после уборки урожая—на паровом жнивье. В отдельные, особенно засушливые, годы, когда трава на выгонах выгорала, а сенокосы еще не были убраны, скот, главным образом крупный, приходилось подкармливать уже скошенным сеном и выпасать в садах; мелкий же рогатый скот довольствовался пастбищным кормом.

А. А. Калантар, А. Г. Декопский и др.³⁹ отмечали, что жители армянских селений Араратской долины в середине лета, когда трава на присельских пастбищах выгорала, подкармливали волов и коров сеном, накопленным в садах, сорными травами, а передко и люцерновым сеном первого укоса. Наряду с люцерной, здесь в больших масштабах выращивали шамбалу⁴⁰, особенно питательную для буйволов. Шамбала выгодно отличалась от люцерны тем, что для ее орошения требовалось мало воды. Сенокосов здесь было мало, но благодаря паровой системе, крестьяне получали значительное количество сена со своих полей. Трава на отдыхающих полях росла не высоко и не густо, но отличалась разнообразием видов и питательностью; сено с таких полей ценилось выше обычного. На отавах встречался дикий овес, перекати поле, пырей, ромашка и другие, которые шли на прокорм как крупного, так и мелкого рогатого скота.

Как видим, армяне Араратской долины создали необходимые условия для летнего содержания скота в условиях полной оседлости, обусловленной характером всего хозяйственного комплекса⁴¹.

Летнее содержание скота в селениях вы-

³⁹ См. А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 114—117; А. Г. Декопский, Экон. быт. гос. крестьян в западной части Шаруро-Даралагязского уезда Эриванской губернии, МИЭБГКЗК, т. I, стр. 673.

⁴⁰ Шамбала—однолетнее стручковое кормовое растение.

⁴¹ См. А. Г. Декопский, указ. раб., стр. 673; ЦГИА, ф. 133, оп. I, д. 924, л. 290, 207—308, 349 и др.

сокогорных районов отличалось рядом особенностей. Кормовые условия здесь были благоприятные, но их ограниченные размеры вынуждали местное население держать только такое количество скота, какое было необходимо для ведения земледельческого хозяйства и удовлетворения самых необходимых потребностей в скотоводческих продуктах. Так, целый ряд селений северных районов Ширака, расположенных на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря (сс. Казанчи, Меш и Покр Сепатары, Бавра, Красар, Бандиван, Бозехуш (ныне Мусаелин), Алихан (Гетик), Самурлы (Сарапат), Салут, Чифтали (Зуйгахпюр), Каракилса (Дзорашен), Покр Сариар, Башгюх, Кефли, Кизилкоч (пос. Лукасян) и другие) не отгоняли скот на отдаленные участки, так как благодаря высоте местности присельские пастбища всегда были покрыты достаточным пастбищным кормом. Показательно, что жители большинства плоскостных селений Ширака поднимались на летовки, расположенные в смежности с наделами жителей вышеперечисленных селений.

В указанной зоне только жители трех селений (Торосгюх, Такнали и Чахлар) практиковали отгонную форму скотоводства. В пределах их наделов было сравнительно мало пастбищных мест, да и расположены были эти селения несколько ниже зоны альпийских и субальпийских лугов, что вынуждало их прибегать к аренде дополнительных пастбищных пространств у казны.⁴²

Однако не всюду сложившаяся оседлая форма скотоводства была обусловлена местными природно-хозяйственными условиями. В отдельных частях Ширака и Арагацотна армянское население практиковало данную форму скотоводства, хотя потребность в горных пастбищах была значительная. Это явилось следствием неблагоприятных политических условий, когда пастбища, расположенные вблизи армянских селений, находились в распоряжении скотоводов других районов⁴³. Поэтому летнее кормление происходило здесь

преимущественно около селений, в пределах наделной казенной земли, около полей, на отавах, жнивьях и выгонах. Косвенным свидетельством того, что население сел, лишенное в 70—90-х годах прошлого столетия летних пастбищ, когда-то прежде содержало скот на летовках, является тот факт, что если в отдельные периоды оно получало право пользования летними пастбищами, то строило на летовках превосходные постоянные жилища с целым комплексом помещений, чего нельзя было наблюдать в районах традиционного оседлого скотоводства.

Крестьяне сел Гюлаблю (ныне Дзораглух), Танджрлу (ныне Мравян), Санадавриш (ныне Чкнах), Гаджи-Халил (ныне Цахкаовит), Гаджи-Багр (ныне Сараландж) и других не имели летовок и выпасали скот в пределах наделных земель. Практиковавшаяся здесь оседлая форма скотоводства была следствием специфических исторических условий, когда местное армянское население было лишено возможности использования ближайших пастбищных участков ввиду их неравномерного распределения между сельскими обществами, а порой и насильственного захвата. Эти данные убедительно показывают, что учет одних лишь природно-хозяйственных условий, способствовавших сложению той или иной формы скотоводства, без анализа конкретных исторических (политических) условий явно недостаточен, так как последние играли нередко решающую роль в этом процессе.

В ряде горных районов Восточной Армении (некоторые селения Вайоц-дзора, Сюник, Котайка, Тавуша и др.) также практиковалась оседлая форма скотоводства, о чем свидетельствуют литературные и полевые материалы. Крестьяне сел Аластан, Вареван, Кодулар, Покр Арагял, Кулалис (Джавахи); Тапштун, Ванк, Мазра, (ныне Барцраван), Арцваник, Уз и др. (Сюник); горных селений Арцах и Котайка⁴⁴ практиковали круглогодичное содержание всех видов скота на присельских пастбищах. Указанные селения в физико-

⁴² См. Ю. Н. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, папка № 8, стр. 30—31; папка № 16, стр. 48—49 и др. АОЭ.

⁴³ Исследователи пастбищ Восточной Армении отмечали, что «многие селения, лежащие недалеко от пастбищ, не могли пользоваться ими за установленную казенную плату, потому что курды и чобанкирмцы занимали их насильственным» (А. А. Калантар, указ. раб., стр. 133). С. П. Зелинский также отмечал, что большинство пастбищ Ширака «состоят не в пользовании местных жителей, а курдов и чобанкирмцев, жителей других уездов, что составляет вопиющую несправедливость в отношении местных жителей, которые несколько не уступают курдам и чобанкирмцам в занятии скотоводством» (указ.

раб., стр. 29). По сообщениям информаторов, крестьяне ряда селений Апарана и горных частей Ширака неоднократно обращались в управление государственных имуществ по вопросу об урегулировании порядка пользования пастбищами. По-видимому, эти и многие другие обращения сыграли не последнюю роль в организации обследования состояния пастбищ Закавказья, имевшего место в 80—90-х гг. XIX в.

⁴⁴ См. там же, стр. 87; М. А. Скионицкий, указ. раб., стр. 38; Н. А. Абелов, Экон. быт гос. крестьян Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии, МИЭБГКЗК, т. IV, стр. 91; А. Г. Деконский, Экон. быт гос. крестьян в Шушинском и Джебраньском уездах Елисаветпольской губернии. Там же, стр. 350—351 и др.

ჩაჩიჯი—пудж, შიჩი—пук)⁵⁴; отдельные части туловища баранов краснели в зеленый, си-

⁵⁴ Шерстяные нитки и орудия обработки шерсти (чесалка, веретено и др.) широко употреблялись в быту армян в качестве амулетов (см. Г. Ф. Чурсин, Амулеты и талисманы..., стр. 220—221). Это особенно наглядно видно в обрядах по «связыванию» пастей волка, получивших в прошлом широкое распространение. Чтобы потерять скотину спасти от зубов хищных зверей, хозяин скота обращался к знахарке, которая умела «закладывать» зверя. Существовало множество способов «завязывания» пастей волка, наиболее распространенными из которых были: топор вкладывали в чесалку лезвием вниз, на обыкновенной шерстяной нитке делал семь узелков, пожнищы перевязывали шерстяной ниткой, раскладной нож 3 раза перевязывали шерстяной ниткой и т. д. Обычно при этом оязательно читали молитву, которая так и называлась—молитва по «связыванию» пастей волка. Молитвы эти передавались из поколения в поколение. Смысл их состоял в том, чтобы при встрече с заблудившимся животным зверь лишился бы языка, ослеп, оглох, а животное осталось бы целым и невредимым (см. например, *ჭაჭაჭაჭაჭა ღაჭაჭა*, кн. X, стр. 243—244). В некоторых молитвах упоминали и клички заблудившихся животных и местность, где приблизительно должно было находиться данное животное: кокрепность, по мнению крестьян, была особенно важна, чтобы именно их скот не подвергся бы порче. Перечисленные предметы были выбраны не случайно. Брала, как правило, железный предмет, «которого,—как писал Г. Ф. Чурсин,—боятся злые силы» (народ верил, что зверь сам редко находит животное, его приводит к нему черт, который всегда старается вредить человеку) и обязательно острыми (топор, нож, пожнищы, кинжал и др.), а также шерстяные нитки и орудия по обработке шерсти, чтобы одолеть эти силы. Многие информаторы с уверенностью сообщали, что если заколдовать волка, то потерявшаяся скотина останется невредимой. Было множество случаев, когда потерявшаяся скотина была раздрана зверем, однако существовал целый ряд способов оправдания таких случаев. Так, у жителей с. Ангехакот (Сюник) было поверье, согласно которому, если волк на своем пути семь раз перейдет речку, то магическая сила молитвы и совершенного обряда исчезнет, и тогда волк может погубить скотину (Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 4, стр. 25, АОЭ). В других местах объясняли тем, что запоздали со «связыванием» пастей волка и т. д. Словом, существовал ряд приемов, которые укрепляли в сознании народа веру в магическую силу обрядов и достаточно был один счастливый случай, чтобы еще больше уверовать в действие обрядов по «связыванию» пастей волка.

По местному обычаю, после нахождения потерявшегося скота «развязывали» пасть волка (развязывали узелки, снимали топор из чесалки, вынимали кинжал из ножен и т. д.), в противном случае волки якобы могли подохнуть с голоду, что считалось предосудительным.

Аналогичные магические свидетельства имеются у многих других народов—грузин, азербайджанцев, абхазов

и красный цвета; втыкали в рога яблоки, груши, предназначенные для чабанов и т. д. Для пастухов готовили подарки—одежду, кушанье, а на присельских пастбищах, там, где производился припуск баранов, устраивались пиршества, в которых принимали участие все—и взрослые и дети.

В случку вступали самки в возрасте полутора лет, которые к двум годам становились матками⁵⁵. Окот приурочивался повсеместно к весне, с тем, чтобы к этому времени иметь достаточный пастбищный корм.

Жители теплых местностей производили случку двумя-тремя неделями раньше жителей холодных местностей. В случку вступали двух-, трехлетние бараны и годовалые козлы (такя). Обычно из приплода данного года часть животных оставляли на племя. Чабаны по внешним признакам определяли достоинства и недостатки животных, оставленных на племя. Выбора овцематок не производилось—какие вырастали, таких и держали. Когда оставляли на племя, то предпочитали барана крупного, с крепкими, толстыми и высокими ногами, широкой грудью, правильно закрученными рогами. Остальных же холостили и откармливали на мясо⁵⁶.

(см. СМОМІК, вып. 18, 1894, стр. 247; М. Д. Рачулишвили, К истории овцеводства Грузии, стр. 12), румын, албанцев, черноморцев (И. Владуцу, Отгонное скотоводство в Цара Бурсей в XIX—начале XX в., рукопись хранится в архиве кафедры этнографии Исторического факультета МГУ, стр. 214—215), которые использовали почти те же предметы, что и армяне—чесалку, нож, пожнищы, шерстяные нитки и др.

Описанные обряды, несомненно, связаны с первобытной магией и своими корнями уходят в глубокую древность.

⁵⁵ В армянских селениях при пуске баранов в стадо овец маленьких девочек сажали на баранов, чтобы овцы больше окотились самками. Крестьяне, как правило, следили за качеством приплода того или иного барана и, если замечали, что от одного и того же барана бывает больше самцов, то их холостили и откармливали на мясо. Интересны материалы, записанные в с. Хачик (Вапоц-дзор). При пуске баранов внимательно следили за тем, какая овца первой вступала в случку, и по ее масти делали прогнозы на год. Если таковой оказывалась овца темной масти, то год должен был быть «черным», т. е. «неблагоприятным» (а по словам других информаторов, «бесснежным»); если светлой—то год должен был быть «снежным»; а если красной—то «красным», урожайным (Ю. И. Мкртумян, Полевые этнографические материалы, папка № 10, стр. 12, АОЭ).

⁵⁶ Холощение крупного и мелкого рогатого скота производилось за особую плату (обычно денежную) отдельными умельцами. Холощение мелкого скота производилось в конце первого года. Один из пастухов удер-

В конце октября, когда наступали холода, овец и баранов ночью загоняли в овчарни. В этот период баранов подкармливали сильными корчами — ячменем, вином, чтобы в случайный период их производительность была высокой. В стаде овцематок баранов держали вплоть до начала оюта, затем их отделили и смешивали со стадом валухов или держали отдельно.

* * *

Рассмотренные материалы приводят к выводу, что несмотря на наличие многих общих черт в системе ведения скотоводства, горный и долинный подтипы оседлого скотоводства характеризовались отличительными чертами, дающими основание для их выделения. Если в горных районах основным тормозом в развитии скотоводства было отсутствие достаточного количества зимних кормовых запасов для длительного стойлового содержания скота, то в зоне оседлого скотоводства долинного подтипа таковым было отсутствие достаточных пространств для летнего выпаса скота.

Оба эти подтипа засвидетельствованы и для таких районов Закавказья, как Колхида и Картли (в Грузии), Курийская племенная (в Азербайджане) и др.⁵⁷ В ряде азербайджанских селений Восточной Армении был выработан горный подтип оседлого скотоводства с характерным круглогодичным содержанием всех видов скота на близлежащих присельских пастбищах и в самих селениях (как например, в сс. Терп, Кешбак, Джули, Чрахлу, Тарп и др.⁵⁸). А. В. Парвnickий также отмечал, что «жители армянского села Пор и ряда татар-

жилап посемимесячного баранчика, а другой радавал семениной капал, а семенинки вталкивал и желудок и перебивавал монпоку. Животное и первое время было вялым, неохотно принимало пищу, но быстро поправлялось. Холощение бычков производилось в двухлетнем возрасте тем же способом, с той лишь разницей, что последних перед холощением валяли на землю и крепко спинавали ноги. Бычок-производитель пускали и стадо коров с мая и держали и нем вплоть до перевода на стойловое содержание; и хотя случка крупного рогатого скота былавольная, все же и она приурочивалась к осеннему периоду — периоду, наиболее удобному, с хозяйственной точки зрения, для получения приплода.

⁵⁷ См. «Породы Кавказа», ч. II, стр. 71—74, 250—254; П. В. Коллареский, Экон. опыт гос. крестьян северной части Кубинского уезда Бакшеской губернии, МНЭБГКЗК, т. 4, стр. 329—362; А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе (раздел «Материалы по Бакшеской губернии») и др.

⁵⁸ Все в пределах Ваиц-дзора, Ю. П. Мкртчян, Полевые этнографические материалы, папка № 11, стр. 56, АОЭ.

ских селений не пользовались казенными эллагами, вследствие значительных пространств наделенной земли, свои стада выпасали на общественных выгонах»⁵⁹.

В связи с изучением оседлой формы скотоводства большой интерес представляет выявление особенностей исторического развития данной формы на интересующей нас территории. В статье «К изучению форм скотоводства у народов Закавказья»⁶⁰ мы, на основе сравнительного изучения археологических и этнографических материалов, а также имеющихся исследований, довольно подробно остановились на этих особенностях. Поэтому здесь ограничимся лишь сделанными выводами.

Скотоводство, зародившееся на Армянском нагорье в условиях оседлой жизни уже в эпоху неолита, было связано с земледелием. В последующие периоды оседлое скотоводство населения равнинных областей (Араратская долина и др.) продолжало медленно развиваться вместе с развитием земледельческого хозяйства. В условиях оседлости возможности увеличения поголовья скота были ограничены кормовыми условиями. Расширение же пастбищ лимитировалось условиями оседлой жизни, а увеличение заготовок кормов при сравнительно неразвитой земледельческой культуре было невозможно. Дальнейшее развитие скотоводства в Араратской долине зависело, прежде всего, от развития земледелия. Поэтому в течение определенного периода (по-видимому, II тыс. до н. э.) скотоводство развивалось здесь сравнительно медленными темпами, в то время как в районах, где перешли к отгонной форме скотоводства, создались благоприятные возможности для бурного его развития.

Наступление этапа позднебронзовой индустрии, а затем и эпохи широкого освоения железа (конец II—первая половина I тыс. до н. э.)⁶¹ предопределило дальнейшее развитие земледельческой техники и всей культуры земледелия, что создало необходимые условия для увеличения поголовья скота, так как стало возможно значительно большее накопление кормовых запасов. Поэтому скотоводство жителей Араратской долины достигло в эту эпоху значительных размеров, о чем говорит как расширение ассортимента глиняных сосудов, использовавшихся в молочном хозяйстве, так и развитие ремесел, связанных со скотоводст-

⁵⁹ А. В. Парвnickий, Экон. быт гос. крестьян северозападной части Шарура и восточной части Даралагяза..., стр. 132.

⁶⁰ См. «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа», М., 1971.

⁶¹ По периодизации А. А. Мартиросяна (см. его работу—Армения в эпоху бронзы..., стр. 81—269).

ном. как-то: ткачество, кожевенное дело и др.⁶² Таким образом, мы видим, что основы пшеничного ведения скотоводческого хозяйства в Араратской равнине были заложены уже задолго до I тыс. до н. э., и здесь уже в то время сложилась форма скотоводства, весьма близкая к той, которую мы встречаем в Араратской равнине во второй половине XIX—начале XX вв. В этом отношении значительный интерес для нас представляют выводы грузинского археолога Г. Лордкипанидзе относительно скотоводства Античной Колхиды. Автор на основе анализа большого фактического материала приходит к выводу, что «уже с эпохи раннего металла в Колхидской низменности скотоводство носит ярко выраженный оседлый характер. В стаде преобладает крупный рогатый скот..., а мелкий рогатый скот почти не разводился». И далее подчеркивает, что состав стада сложился в Колхиде «еще в эпоху энеолита и не изменился... на протяжении веков». Данная тенденция, обусловленная ярко выраженным земледельческим укладом хозяйства, сохраняется и в наши дни»⁶³. Эти данные показывают, что скотоводческое хозяйство Араратской равнины и Колхидской низменности характеризовалось приблизительно сходными чертами, обусловленными земледельческим укладом всего хозяйства.

⁶² См. там же, стр. 181—182, 292.

⁶³ Г. А. Лордкипанидзе, Животноводство и промыслы Античной Колхиды, «Советская археология», № 1, 1967, стр. 28—30.

Очевидно, и в наиболее высокогорных районах Армении, расположенных в зоне альпийских и субальпийских лугов (некоторые части Гехаркуника, Арагацотна, Ширака и др.), также имелись все условия для ведения оседлой формы скотоводства. Этнографические материалы показывают, что в селениях, расположенных в смежности с летними пастбищами, не представляло затруднений либо пригонять скот для дойки в селение, либо дояркам подниматься к месту доения⁶⁴. Выяснению этого вопроса будет способствовать детальное изучение циклопических крепостей, обнаруженных в различных частях Восточной Армении (Тавуш, Гехаркуник, Араратская долина, Ширак, Сюник и др.). В настоящее время группа научных сотрудников Института археологии и этнографии АН Армянской ССР (С. А. Есаян, Г. А. Микаелян и др.) ведет разведочные археологические работы по выявлению и изучению указанных крепостей.⁶⁵ Остатки многочисленных городищ, укрепленных валами, помимо всего прочего, указывают на прочную оседлость, и результаты их археологического изучения могут пролить свет на многие стороны хозяйственной жизни населения того периода.

⁶⁴ См. настоящую работу, стр. 39—40.

⁶⁵ См. Ф. 2. Գրայքային, Սեանի օգտանի կիրառյալ տնտեսական, հնագիտական հուշարձանները, պրահ 1, 6ր., 1968.